

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.233

Дата поступления: 01.09.2021
рецензирования: 15.10.2021
принятия: 28.11.2021

Социальные и юридические основания признания правомерным вреда, причиняемого при обстоятельствах, исключающих преступность деяния

В. И. Михайлов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vim2007@yandex.ru

Аннотация: За 25 лет действия Уголовного кодекса Российской Федерации в доктрине не сформировалось разделяемое большинством исследователей понимание такой базовой категории института обстоятельств, исключающих преступность деяния, как основание признания допустимым причинение вреда в соответствующих обстоятельствах, и не определено, какое из указанных в ст. 14 настоящего Кодекса свойств преступления отсутствует в деяниях, причинивших вред, при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. В связи с этим цель исследования состоит в определении тех социальных оснований, причинение вреда при которых социум считает допустимым, а также юридического основания – отсутствия свойства преступления в деянии, причинившем вред в условиях законодательно установленной ситуации. В статье доказывается, что общим социальным основанием допустимости причинения вреда при отражении общественно опасного посягательства, устранения иных угроз выступает вынужденность, крайность применения вредоносного способа, невозможность без причинения вреда разрешить социальные конфликты и противоречия. Подчеркивается, что причинение вреда при отражении посягательства в ситуациях необходимой обороны, устранении опасности в крайней необходимости и др. не может оцениваться как общественно полезное. Обосновывается, что для каждого из обстоятельств, указанных в нормах гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, имеется свое социальное основание (причина), в силу которого социум допускает причинение вреда. Например, социальная основа допустимости причинения вреда при защите (обороне) коренится в естественном праве человека защищаться и объективной невозможности государства в полной мере обеспечить безопасность любого человека; социальная допустимость причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, определяется необходимостью реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление. С юридической позиции автор статьи заключает, что в нормах об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, закреплены исключения из общих запретов, установленных в нормах Особенной части уголовного закона. Законодатель «не наделил» свойством противоправности осознанно совершаемое деяние, причиняющее вред при любом из обстоятельств, исключающих преступность деяния, даже когда оно общественно опасно.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; правомерный вред в уголовном праве; преступление; необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения; понятие преступления; запреты и дозволения в уголовном законе; общественная опасность.

Цитирование. Михайлов В. И. Социальные и юридические основания признания правомерным вреда, причиняемого при обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 60–70. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-60-70>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Михайлов В. И., 2021

Валентин Иванович Михайлов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.09.2021
Revised: 15.10.2021
Accepted: 28.11.2021

Social and legal grounds for the recognition of lawful harm caused under circumstances excluding the criminality of the act

V. I. Mikhailov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: vim2007@yandex.ru

Abstract: For 25 years of operation of the Criminal Code of Russian Federation, the doctrine has not formed an understanding shared by most researchers of such a basic category of the institution of circumstances excluding the criminality of an act as the basis for recognizing harm as permissible in the relevant circumstances, and it has not been determined which of the properties of the crime specified in Article 14 of this Code is absent in the acts that caused harm in circumstances excluding the criminality of the act. In this regard, the purpose of the study is to determine the social grounds for causing harm in which society considers permissible, as well as the legal basis – the absence of a crime property in the act that caused harm in a legally established situation. The article proves that the general social basis for the permissibility of causing harm in the reflection of a socially dangerous encroachment, the elimination of other threats is the necessity, the extreme use of a harmful method, the impossibility of resolving social conflicts and contradictions without causing harm. It is emphasized that causing harm when repelling an encroachment in situations of necessary defense, eliminating danger in extreme necessity, etc. it cannot be evaluated as socially useful. It is proved that for each of the circumstances specified in the norms of Chapter 8 of the Criminal Code of Russian Federation, there is a social basis (reason), by virtue of which society allows harm to be inflicted. For example, the social basis of the permissibility of causing harm in defense (defense) is rooted in the natural right of a person to defend himself and the objective impossibility of the state to fully ensure the safety of any person; the social permissibility of causing harm when detaining a person who has committed a crime is determined by the need to implement the principle of the inevitability of responsibility for the crime committed. From the legal point of view, the author of the article concludes that the norms on the circumstances excluding the criminality of the act contain exceptions to the general prohibitions established in the norms of the Special Part of the criminal law. The legislator «did not endow» with the property of illegality a consciously committed act that causes harm under any of the circumstances excluding the criminality of the act, even when it is socially dangerous.

Key words: circumstances precluding criminality of the act; legitimate harm in criminal law; crime; necessary defense; causing harm during the detention of a person who committed a crime; extreme necessity; reasonable risk; execution of an order or permit; concept of crime; prohibitions and permits in criminal law; public danger.

Citation. Mikhailov V. I. *Sotsial'nye i yuridicheskie osnovaniya priznaniya pravomernym vreda, prichinyaemogo pri obstoyatel'stvakh, iskl'yuchayushchikh prestupnost' deyaniya* [Social and legal grounds for the recognition of lawful harm caused under circumstances excluding the criminality of the act]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 4, pp. 60–70. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-4-60-70> [in Russian].

Information about a conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

© Mikhailov V. I., 2021

Valentin I. Mikhailov – Doctor of Law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law, Institute of Law and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Chermushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК) институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (ситуаций правомерного вреда), по сравнению с УК РСФСР 1960 г., существенно расширен, структурно обособлен в отдельную главу и более корректно отражен в перечне смягчающих наказание обстоятельств (п. «е» и «ж» ч. 1 ст. 61 УК). Однако за четверть века действия УК в научном сообществе так и не сформировалось общепринятое понимание социальных причин допустимости причинения вреда интересам, охраняемым уголовным законом, и не определено, какое из указанных в ст. 14 свойств преступления отсутствует в деяниях, причинивших вред, при обстоятельствах, указанных в нормах гл. 8 настоящего Кодекса, других федеральных законов и иных нормативных правовых актах.

В теории уголовного права по-прежнему широко распространена точка зрения, согласно которой лишение жизни человека, причинение иного вреда интересам, охраняемым уголовным законом, в ситуациях необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, и в других предусмотренных законом соответствующих состояниях является социально полезным [1, с. 5; 2, с. 196–197; 3, с. 8; 4, с. 150;] и даже материально вознаграждаемым поведением [5, с. 18–21; 6, с. 82; 7, с. 6].

Оценивая эту научную позицию, стоит задать вопрос: может ли современное сообщество людей считать, что лишение жизни одного из себе подобных является полезным для всего социума,

для каждого из его членов? Как минимум, родные погибшего полезного в этом ничего не увидят. Современная цивилизация не может основываться на принципе «полезности устранения из жизни отдельных своих членов общества».

Волевое деяние, причиняющее вред, становится полезным или опасным в зависимости от его социальной оценки, и, естественно, преступным или правомерным – в результате признания его таковым законодателем. Как верно было замечено А. Э. Жалинским, деяние «не может без законодателя стать ни противоправным, ни общественно опасным, ни виновным или наказуемым» [8, с. 345]. Законодатель оценивает те или иные типичные случаи, исходя из своего представления о направлении развития общества, стоящих перед ним вызовах и угрозах, системе присущих социуму на данном этапе своего развития ценностей, имеющихся способах удовлетворения общественно значимых потребностей в привязке к определенному месту, времени, кругу лиц, способу и другим обстоятельствам.

Общепризнанно, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В соответствии с основными международно-правовыми договорами в области прав человека и конституциями современных государств, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, всех его органов и должностных лиц. Лишение жизни человека, причинение вреда другим его интере-

сам, которые поставлены под защиту уголовного закона, допускается социумом в качестве вынужденной крайней меры. Так, в ст. 2 «Право на жизнь» Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что «право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. Лишение жизни не рассматривается как нарушение, когда оно является результатом *абсолютно необходимого* применения силы для защиты любого лица от противоправного насилия; для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа» [9].

Примером нормативного разграничения запрещенного и правомерного причинения смерти является также норма ст. 27 «Право на жизнь» Конституции Азербайджанской Республики, в которой закреплено, что «каждый имеет право на жизнь. За исключением уничтожения вражеских солдат во время вооруженного нападения на государство, применения смертной казни на основании вступившего в законную силу приговора суда и предусмотренных законом других случаев, право любого лица на жизнь неприкосновенно. Смертная казнь впредь до ее полной отмены может устанавливаться законом в качестве исключительной меры наказания только за особо тяжкие преступления против государства, против жизни и здоровья человека. Исключая предусмотренные законом случаи необходимой обороны, крайней необходимости, поимки и задержания преступника, предотвращения бегства заключенного из мест заключения, предотвращения мятежа против государства или государственного переворота, вооруженного нападения на страну, не допускается применение оружия против человека» [10].

Представляется, общим социальным основанием допустимости причинения вреда при отражении общественно опасного посягательства, устранения иных угроз выступает вынужденность (крайность) соответствующего реагирования на ситуацию, невозможность безвредным способом разрешить социальные конфликты и противоречия.

Вместе с тем для каждой из предусмотренных нормами гл. 8 УК, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов ситуаций имеется специальное социальное основание признания вреда правомерным, обусловленное конкретными условиями определенного этапа исторического развития общества.

Так, социальная основа допустимости причинения вреда индивидом *при защите (обороне) своих интересов, интересов других лиц, а также интересов общества и государства* связана с естественным правом любого социального организма защищаться.

Право на оборону (защиту) путем применения ответного насилия, как в составе социума (государства), так и индивидуально, получило международно-правовое признание и зафиксировано в Уставе ООН и других международно-правовых документах, а также в Конституции Российской Федерации, федеральных законах от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и ст. 37 УК.

Следует особо подчеркнуть, что в России и в других странах, правовые системы которых входят в романо-германскую правовую семью, обеспечение безопасности личности и ее интересов традиционно осуществляется прежде всего государством. На общих началах только государство имеет право на насилие. Гражданам это право предоставляется лишь в определенных случаях и в строго очерченных пределах.

А. Ф. Кони указывал, что «государство одно только имеет право и обязанность творить суд и расправу над гражданами и исключает в этом отношении всякую конкуренцию. Одно государство и только оно имеет право наказывать, только оно получает право утрачивать, или направлять, или предупреждать преступника; только оно может беспрепятственно назначить наказание по теории справедливости. Закон запрещает всякое самоуправство, всякое применение силы над противником до суда» [11, с. 5]. Такой же позиции придерживался В. Ф. Кириченко, отмечая, что только государство в лице его органов обладает средствами для принудительного воздействия на лиц, совершающих преступления [1, с. 5].

Эта доктрина, являясь одной из базовых основ построения современного российского общества, отражена в Конституции Российской Федерации. В соответствии со ст. 2 и ч. 1 ст. 45 признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства; в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина.

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК), другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами закреплены полномочия государственных органов и их сотрудников по защите жизни, здоровья, собственности и других интересов граждан, общества и государства, в том числе с причинением вреда.

Однако государство, какой бы совершенной системой правоохранительных органов и специальных служб оно ни обладало, объективно не в состоянии во всех случаях обеспечить защиту интересов конкретного индивида, в частности, от преступных посягательств. Ни одно «государство в мире не в состоянии в полной мере собственными силами гарантировать безопасность человека, поэтому оно предоставляет гражданам право самостоятельно защищать свои права и жизненно важные интересы посредством института необхо-

димой обороны» [12, с. 22]. Поэтому государство отводит гражданину автономное поле деятельности, где движущей силой выступают индивидуальные интересы, опирающиеся на естественное право человека на самозащиту и защиту других лиц, принадлежащее ему от рождения.

Социальной основой юридического предоставления индивиду права на применение вредоносных средств при защите интересов других лиц, а также интересов общества и государства выступает связь любого индивида с социумом, нормальное развитие которого зависит от усилий каждого.

В соответствии с ч. 2 ст. 45 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации в ст. 37 УК регламентировано право индивида на использование вредоносных способов для защиты своих интересов, а также интересов других лиц, общества и государства. Возможность граждан защищать путем причинения вреда свои интересы, интересы других физических лиц, а также интересы общества и страны выступает как дополнение к функции государства.

Социальная допустимость причинения вреда *при задержании лица, совершившего преступление*, определяется его послепреступным поведением, когда лицо пытается избежать уголовного ответственности, в том числе путем активного противодействия доставлению в органы власти. Подчеркнем, что ответственность как гарантия правопорядка, законности, справедливости и юридический способ защиты общественных и индивидуальных интересов может иметь эффект лишь при условии обязательности ее применения за каждое совершенное правонарушение.

В современных условиях право на задержание лица, совершившего преступление, и причинение ему вреда в качестве вынужденной меры – это право государства, подтверждаемое международно-правовыми актами, в частности, Кодексом поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка [13], а также Конституцией Российской Федерации (ст. 52 в ее взаимосвязи со ст. 2, п. 2 ст. 15, п. 2 ст. 17 и п. 3 ст. 55).

В различных отраслях национального законодательства задача обеспечения неотвратимости уголовной ответственности решается по-разному, в зависимости от предмета и применяемых способов регулирования. Так, в соответствии со ст. 21 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» сотрудники полиции в целях реализации принципа неотвратимости ответственности полномочны применять для задержания лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться, специальные газовые средства, средства ограничения подвижности, электрошоковые устройства, служебных животных, световые и акустические специальные средства, средства разрушения преград. При применении этих средств задерживаемому может быть причинен различный вред. Правомерность причинения вреда сотрудниками полиции в таких случаях оценивается в зависимости от того, насколько их действия со-

ответствуют Федеральному закону «О полиции», а отнюдь не норме гл. 8 УК о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38).

Однако индивид выступает не только объектом государственной защиты, но наравне с государством является по смыслу ст. 45 Конституции Российской Федерации автономным правомерным защитником не только своих собственных интересов, но также и интересов других лиц, общества и государства. Позиция о том, что государства должны уважать право граждан самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав и свобод человека, отражена в Итоговом документе Венской встречи представителей государств – участников Совещания 1986 г. по безопасности и сотрудничеству в Европе [14].

Эту задачу государство реализует путем предоставления полномочий по задержанию лиц, совершивших преступления, с использованием средств, причиняющих вред, не только сотрудникам государственных органов, но также потерпевшим и другим лицам.

Социальная допустимость причинения вреда *в ситуации крайней необходимости* обосновывается тем, что для любого социального организма свойственно защищать значимые для него ценности от грозящей опасности, в том числе путем причинения вреда другим ценностям, даже тогда, когда целостность разрушаемой ценности, как и спасаемой, охраняется правовыми или иными средствами. Вынужденность (крайность) причинения вреда обуславливается возникновением такого рода ситуации независимо от воли лица, а также отсутствием у него представления о возможности обеспечения одного блага без разрушения другого.

Социальной основой допустимости использования *рискованных методов*, сопряженных с причинением вреда общественным отношениям, выступает необходимость обеспечения применения новых, не апробированных методов, но, как предполагается, более эффективных, чем ранее использовавшиеся и проверенные способы, которые не приносят каких-либо значимых результатов в новых условиях.

Социальной основой допущения *выполнения приказов*, влекущих причинение вреда, выступает необходимость обеспечения четкой, слаженной системы управления прежде всего в тех сферах административных отношений, где всякие сомнения в законности приказа могут привести к катастрофическим последствиям. Имеющиеся случаи выполнения неэффективных и (или) общественно вредных приказов при допущении или даже осознании исполнителем их неэффективности и (или) вредности приказов перекрываются пользой от слаженности, четкости действий в подавляющем большинстве остальных случаев отдачи разумных и законных приказов.

Допустимость причинения вреда *в ситуации «согласие лица»* диктуется необходимостью созда-

ния условий для граждан самостоятельно реализовывать принадлежащие им гражданские права. Так, на основании ст. 209 ГК России собственник по своему усмотрению совершает в отношении принадлежащего ему имущества любые действия и распоряжается им произвольным образом, в том числе может дать согласие другому лицу на совершение действий, объективно причиняющих вред его интересам. Закон о трансплантации органов и (или) тканей человека закрепляет, что с согласия гражданина допускается изъятие (трансплантация) у него органов и (или) тканей. Законодательство предусматривает такие случаи. Вместе с тем уголовное законодательство оценивает уничтожение или повреждение чужого имущества, а также потерю какого-либо органа, утрату способности к деторождению и т. п. как преступление (ст. 111 и 167 УК).

В связи с этим следует согласиться с выводом И. И. Карпеца: «Несмотря на отсутствие в уголовном законе прямого указания об устранении преступности в случаях причинения вреда с согласия лица, практически это обстоятельство действует на основе нравственной оценки как самого согласия, так и деяния, на которое это согласие дано» [15, с. 129]. Естественно, что в таком случае под согласием лица следует понимать его свободное волеизъявление, являющееся, с одной стороны, правом на достижение личного интереса и, с другой, нормой поведения для третьих лиц [16, с. 68].

Возможность причинять вред *при выполнении профессиональных (должностных) функций* обусловлена необходимостью создания надлежащих условий для сотрудников государственных органов и организаций по реализации ими полномочий по защите интересов личности, общества и государства. Прямые указания на правомерный характер причиняемого ущерба при выполнении возложенных законом профессиональных обязанностей содержатся, в частности, в нормах законов о психиатрической помощи, о трансплантации органов, федеральных законов об оперативно-розыскной деятельности, о противодействии терроризму, о государственной защите участников уголовного судопроизводства, о связи и других законодательных и иных нормативных правовых актов. Поэтому совершение сотрудниками государственных органов и организаций при надлежащей реализации своих профессиональных функций действий, повлекших вред, не может считаться уголовно наказуемым деянием. П. П. Пусторослев в связи с этим отмечал, что «правовая обязанность к посягательству на человеческое благо, установленная действующим правом, вполне устраняет неправомочность этого посягательства и превращает его в правомерное» [17, с. 278–279].

Таким образом, специальными социальными основаниями допустимости причинения вреда, в зависимости от особенностей соответствующего вида ситуации, выступает необходимость: реализации естественного права человека на самосохранение и самозащиту; гарантирования принци-

па неотвратимости уголовной ответственности; обеспечения сохранности важных интересов при отсутствии безвредных способов их защиты; применения новых, не апробированных методов, которые, по расчетам, являются более эффективными; слаженной системы управления в конкретных сферах административных отношений; создания условий для граждан самостоятельно и в полном объеме реализовывать принадлежащие им гражданские права, а для лиц, реализующих общественно значимые полномочия, – эффективно и в соответствии с общественными ожиданиями выполнять свои профессиональные (должностные) функции.

Вместе с тем, отметив в нормах гл. 8 УК, других федеральных законов и иных нормативных правовых актах, что причинение вреда в соответствующих ситуациях не является преступлением, современный российский законодатель тем самым «увязал» эти ситуации с определением понятия «преступление», но при этом не назвал те свойства преступления, которыми не обладает деяние, причиняющее вред в указанных обстоятельствах.

В ст. 14 УК дано традиционное для последнего периода российского уголовного законодательства и уголовно-правовой теории формально-материальное определение преступления, в соответствии с которым преступлением признается *виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания*. Таким образом, стержнем определения преступления выступает *общественно опасное деяние*.

В теории уголовного права наиболее широко распространена точка зрения, согласно которой обстоятельства, указанные в гл. 8 УК, *исключают такое свойство преступления, как общественная опасность*. Например, А. А. Пионтковский, назвавший соответствующую главу своего фундаментального труда о преступлении «Обстоятельства, исключающие общественную опасность», указывал, что «действия, схожие с соответствующими преступлениями, но совершенные при наличии обстоятельств, *исключают общественную опасность*» [18, с. 342–402]. В то же время авторы теоретической модели УК, предложив самостоятельную главу «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», посчитали, что сущность всех этих обстоятельств состоит в том, что они *исключают преступность содеянного* [19, с. 119].

Наряду с этим в теории уголовного права сформировалась научная позиция, согласно которой разные обстоятельства исключают разные свойства преступления. По мнению С. Г. Келиной, необходимая оборона и задержание лица, совершенного преступления, исключают общественную опасность; исполнение незаконного приказа (распоряжения) – виновность лица; обоснованный риск, крайняя необходимость, психическое и физическое принуждение не исключают объективной вредности и виновности, но устраняют противоправность [20, с. 4].

А. В. Никуленко, в свою очередь, считает, что «действующая формулировка названия гл. 8 УК «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» позволила объединить в себе весьма разнородные по своей социально-правовой природе обстоятельства: одни из них исключают общественную опасность, другие – виновность, третьи – только противоправность». В связи с этим этот автор предлагает вернуть гл. 8 УК «прежнее, более точное название “Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния”» и отнести к ним «такие обстоятельства, как необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, обоснованный риск, а также физическое и психическое принуждение, оцениваемое с точки зрения крайней необходимости» [21, с. 136–138].

Таким образом, по мнению названных и многих других авторов, исключение общественной опасности в целом или в отдельных обстоятельствах делает причинение вреда правомерным.

Оценивая с практической точки зрения утверждение, что причинение вреда в ситуациях, указанных в гл. 8 УК, устраняет общественную опасность, следует учитывать, что при таком подходе правоприменитель в каждом случае необходимой обороны и других соответствующих обстоятельств должен соотносить причиняемый им вред с интересами общества в целом.

Но несмотря на активное использование категории «общественная опасность» в уголовном законе и в теории уголовного права общепринятого понимания общественной опасности ни в современном уголовном законе, ни в науке нет. По справедливому утверждению М. А. Кауфмана, даже для законодателя содержание категории «общественная опасность» представляется спорным и неоднозначным, и он не может разъяснить ее содержание [22, с. 57]. А. П. Козлов также считает, что «общественная опасность – странная категория, поскольку государство свою политическую суть и политические устремления скрывает за общественными интересами, отождествляя тем самым государство и общество» [23, с. 157–160].

Как же быть простому гражданину в таких случаях? Представляется, что люди, находящиеся в конфликтной ситуации, прежде всего ориентируются на нормативно закрепленный алгоритм действий, то есть они поступают исходя из нормативно определенного запрета или дозволения действовать в конкретной ситуации путем причинения вреда.

При оценке научной позиции об отсутствии свойства общественной опасности в деянии, причинившем вред в условиях законодательно установленной ситуации, следует учитывать, что содержание общественной опасности и ее структура в четырех УК РСФСР и России постоянно трансформировались адекватно объективным явлениям преступности и уголовно-политическим воззрениям на преступление.

Нормативное определение общественной опасности содержалось лишь в УК РСФСР 1926 г., в ст. 6 которого указывалось, что общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

В статье 16 УК РСФСР 1926 г. общественно опасными и уголовно наказуемыми признавались любые действия, вне зависимости от наличия или отсутствия юридического запрета на их совершение. При описании преступления законодатель не говорил ни о виновности, ни о запрещенности соответствующего деяния законом; общественная опасность выступала основанием уголовной ответственности, а преступление рассматривалось как частный случай общественно опасных действий. Введение категории «общественная опасность» обусловлено наличием в УК РСФСР 1926 г. правила об аналогии.

Н. В. Крыленко, являясь одним из авторов проекта УК РСФСР 1926 г., отмечал, что «суд, как орган охраны советского правопорядка, не может полагать, что все до одного преступления предусмотрены действующим законом. Суд не вправе пройти мимо того или иного действия, если он признает его опасным, хотя бы оно и не было формально предусмотрено законом. Важно лишь поставить это право в определенные пределы; важно наметить основные грани, в которых должно проявляться это правотворчество суда» [24, с. 82–88]. Такого рода «пределом, гранью» выступала категория общественной опасности.

В период действия УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. в литературе того времени общественная опасность и преступление анализировались преимущественно с классовых позиций. А. А. Пинтовский в монографии 1929 г. подчеркивал, что объективным свойством каждого преступления в системе советского права является его социальная опасность в связи с тем, что оно посягает на общественные отношения, обеспечивающие классовое господство пролетариата [25, с. 61, 265–266]. А. А. Герцензон, отмечая в своей работе 1948 г., что именно господствующий класс устанавливает порядки, выгодные и удобные ему, последовательно отстаивал позицию, согласно которой общественная опасность преступления, являясь одним из основных свойств преступления, определяется, прежде всего, объектом посягательства, способом действия, избранным преступником, его личностью и психическим отношением к деянию [26, с. 132].

Изменения в структуре общественной опасности нашли свое нормативное отражение в ст. 7 УК РСФСР 1960 г., где при характеристике преступления были названы общественная опасность и противоправность. Такая позиция отражала усиление правовых начал в основополагающих структурных элементах уголовного закона и возрастание роли нормативности при оценке вредоносного деяния как преступления или как дозволенного правомерного поведения.

В работах, посвященных анализу преступления применительно к УК РСФСР 1960 г., содержание общественной опасности также было принято определять значимостью объекта посягательства, местом, способом и другими объективными и субъективными признаками, но в ряде работ виновность уже предлагалось рассматривать как самостоятельное свойство преступления [19, с. 49].

После вступления в действие УК, закрепившего виновность наряду с общественной опасностью, запрещенностью и наказуемостью в качестве самостоятельных свойств преступного деяния, многие авторы по-прежнему считают, что общественная опасность как интегративное свойство образуется в результате системного взаимодействия составляющих его структурных элементов – субъекта, объекта, субъективной и объективной сторон [27, с. 11; 28, с. 140–143; 29, с. 125–135; 30, с. 8].

Полагаем, что при конструировании понятия преступления в УК законодатель наделил преступное деяние свойством общественной опасности во многом под давлением традиции советской школы уголовного права. Русские ученые XIX в. – начала XX в., за редким исключением, исходили из того, что материальное понятие преступления проявляется через вредность для охраняемого юридической нормой интереса. Категория «общественная опасность» введена советским уголовным законом и обоснована наукой советского уголовного права прежде всего с целью подчеркнуть отличие советского уголовного права от буржуазного уголовного права.

В связи с этим представляется, что в рамках понятий современного российского уголовного закона общественная опасность не имеет своего содержания. Основным материальным свойством преступления выступает вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, который причиняется путем осознанного разрушения (изменения) одного или нескольких элементов (интересов), образующих соответствующее общественное отношение. Причем разрушение общественных отношений, охраняемых уголовным законом, признается законодателем преступлением только применительно к определенным времени, месту, способу совершения соответствующего деяния, субъекту и т. д. [31, с. 61–67].

Не случайно в середине 90-х годов прошлого века при подготовке УК вносились предложения в материальном определении преступления отойти от использования категории «общественная опасность» и определять преступление «как запрещенное уголовным законом деяние (действие или бездействие), причиняющее вред или создающее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству». По мнению авторов этого предложения, указание в определении преступления на «вред» вместо «общественной опасности» подчеркивает предназначение уголовного права как инструмента охраны от преступлений не только общественных отношений, но прав и законных интересов каждого человека [32, с. 4, 18].

При определении понятия преступления в УК виновность и противоправность определены в качестве самостоятельных, не входящих в общественную опасность, свойств деяния. Место, способ, объект причинения вреда, субъект и другие аспекты отражаются через такое свойство, как противоправность; формы вины и иные субъективные элементы – через виновность.

При таком подходе содержание общественной опасности исчерпывается вредом, который проявляется в разрушении общественного отношения, охраняемого уголовным законом. Исходя из этого, указание закона о том, что «не является преступлением причинение вреда» в определенной в соответствующей правовой норме ситуации фактически означает, что предусмотренные в нормах гл. 8 УК, других федеральных законах и иных нормативных правовых актов обстоятельства *не исключают общественную опасность деяния*, причинившего вред при отражении общественно опасного посягательства, устранении опасности, задержании лица, совершившего преступление, обоснованном риске и исполнении приказа.

Отсутствие виновности также не может рассматриваться в качестве основания непризнания преступлением причинения вреда в ситуациях, предусмотренных в нормах гл. 8 УК, других федеральных законах и иных нормативных правовых актах.

В российском уголовном законе, несмотря на ту важность, которая придается вине, ее определение не дается. В соответствии с преобладающей ныне концепцией психологической вины, уголовно-правовое содержание вины раскрывается в уголовном законе через ее формы: умысел и неосторожность [33, с. 69]. При существующей в ст. 25 и 26 УК конструкции умысла и неосторожности осознанию и предвидению подвергаются только действия (бездействие) лица и их последствия.

При отражении посягательства в состоянии необходимой обороны, устранении опасности при крайней необходимости и в других случаях, указанных в нормах гл. 8 УК, других федеральных законов и иных нормативных правовых актах, индивид осознает, что он своими действиями лишает жизни другого человека, причиняет вред иным охраняемым уголовным законом интересам, и стремится к достижению именно такого результата. В противном случае его действия подлежат оценке на предмет соответствия ст. 28 «Невиновное причинение вреда» УК. Конечно, необходимость нанесения вреда определяется потребностью спасения более важного блага. Но эта потребность выступает основой мотивации действий субъекта, направленных на устранение опасности. Вина и мотив являются разными и самостоятельными категориями уголовного права. Наличие положительного мотива не исключает общественной опасности и виновности содеянного как свойств преступления.

Таким образом, обстоятельства, указанные в нормах гл. 8 УК, других федеральных законах и иных нормативных правовых актах, не устраняют

свойство виновности вредоносного деяния при указанных обстоятельствах.

Позиция, согласно которой деяние, причинившее вред интересам, охраняемым уголовным законом при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, обладает свойствами общественной опасности и виновности, разделяется и другими авторами. В частности, В. А. Блинников пишет, что «обстоятельства, исключающие преступность деяния, не исключают общественной опасности и виновности» [34, с. 23–26].

Преступное деяние, кроме содержательной стороны, характеризуется уголовной противоправностью, которая является отражением принципа «нет преступления без указания о том в законе».

Деяние, причиняющее вред и обладающее свойством виновности, становится преступлением только после установления законодателем юридического запрета на его совершение в определенных месте, времени, соответствующим способом и др. *Свойство противоправности является самостоятельным и принципиально равным с иными свойствами преступного деяния.*

Запрещенность соответствующего деяния уголовным законом является общей (генеральной) по отношению к возможным исключениям.

Поэтому в механизме уголовно-правового регулирования допустимость причинения вреда, обусловленная крайними вынужденными причинами, оформлена с использованием юридико-технического приема «исключение». Отражением такого юридико-технического приема является закрепление в гл. 8 Общей части УК, других федеральных законах и иных нормативных правовых актов тех исключений из указанных в Особенной части общих запретов причинения вреда, когда причинение вреда признается правомерным. Так, дозволение наносить любой ущерб посягающему при защите жизни в состоянии необходимой обороны выступает исключением по отношению к запрету лишать жизни человека (ст. 105 УК). В связи с этим следует согласиться с Н. Д. Дурмановым, который отмечал, что деяния, предусмотренные Особенной частью, караются лишь в тех случаях, когда они не предписаны или не разрешены законом [35, с. 205].

Таким образом, в ситуациях, определенных в нормах гл. 8 УК, других федеральных законах и иных нормативных правовых актов, исключаются не общественная опасность (вредность для социума) и виновность деяний, а их запрещенность (противоправность). В законодательстве дозволяется в этих ситуациях совершать деяния, влекущие вред интересам, поставленным под защиту уголовного закона.

Библиографический список

1. Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. Москва, Ленинград: изд-во АН СССР, 1948. 107 с.
2. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси: Госюриздат, 1963. 382 с. Available at: <https://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=1147>.
3. Атабаева Т. Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/neobkhodimaya-oborona-teoriya-zakonodatelstvo-praktika-primeneniya/read>.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. С. В. Дьякова и Н. Г. Кадникова. Москва: ИД «Юриспруденция», 2017. 1072 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26013882>.
5. Разгильдиев Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК // Законность. 1993. № 12. С. 18–21.
6. Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та. 2007. 156 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1188003-nravstvennyye-osnovy-norm-ugolovno-go-prava-o-prestupleniyah-protiv-lichnosti/toread>.
7. Милуков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр», 2020. 768 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24207880>.
8. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. Москва: Проспект, 2009. 400 с. URL: [https://dl.booksee.org/genesis/710000/44dd55ac418bcb82de8b9aac213e4eb7/_as/\[ZHalinsky_A.YE.\]_Ugolovnoe_pravo_v_ozhidanii_pere\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/710000/44dd55ac418bcb82de8b9aac213e4eb7/_as/[ZHalinsky_A.YE.]_Ugolovnoe_pravo_v_ozhidanii_pere(BookSee.org).pdf).
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#I0.
10. Конституция Азербайджанской Республики. URL: https://static.president.az/upload/Files/2019/12/04/67ono052v1_konstitutsiya_rus_update.pdf.
11. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. Москва: Изд-во Московские университетские известия, 1866. 104 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=1478348>.
12. Вольдимарова Н. Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 220 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-ubiistvo-pri-prevyshenii-predelov-neobkhodimoi-oborony>.
13. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // СПС «КонсультантПлюс».

14. Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/1/40885.pdf>.
15. Карпец И. И. Уголовное право и этика. Москва: Юрид. лит., 1985. 256 с.
16. Михайлов В. И. Согласие лица, как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законодательство. 2002. № 2. С. 67–72.
17. Пусторослев П. П. Русское уголовное право: Общая часть. Вып. 1. Лекции. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1907. 546, VI с.
18. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. Москва: Наука, 1970. 516 с.
19. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. Москва: Наука, 1987. 278 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28852321>.
20. Келина С. Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 3–8.
21. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. 512 с. URL: https://univermvd.ru/files/other-files/Никуленко_А.В._ДИ.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42888638>.
22. Кауфман М. А. Некоторые вопросы применения норм Общей части УК // Государство и право. 2000. № 6. С. 56–60.
23. Козлов А. П. Понятие преступления. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 819 с. URL: https://fictionbook.ru/author/a_p_kozlov/ponyatie_prestupleniya/read_online.html.
24. Крыленко Н. В. Суд и право в СССР. Часть 3. Основы уголовного материального права. Москва, Ленинград: Государственное издательство, 1930. 264 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/54135>.
25. Пионтковский А. А. Советское уголовное право в 2 т. Т. 1. Москва, Ленинград: Госюриздат, 1929. 312 с.
26. Герцензон А. А. Уголовное право. Общая часть. Москва: РИО ВЮА, 1948. 496 с. URL: https://vk.com/wall22311731_4714.
27. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. 360 с.
28. Кленова Т. В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 136–144. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912667>.
29. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1. Москва: ИКД «Зерцало-М», 2002. 624 с. URL: <https://libren.org/d/jur/jur244.htm>.
30. Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. гос. юрид. акад, 2013. 24 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/obshchestvennaya-opasnost-prestupleniya-i-ee-ugolovno-pravovoe-izmerenie/read>.
31. Михайлов В. И. Вред и его регулирование в уголовном законе // Государство и право. 2007. № 2. С. 61–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9449864>.
32. Уголовный кодекс Российской Федерации (Общая часть). Проект, подготовленный специалистами Министерства юстиции Российской Федерации и Государственно-правового управления Президента Российской Федерации. Москва, 1994. 57 с.
33. Кузнецова Н. Ф. Признаки (свойства) преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинина, 2005. 796 с.
34. Блинников В. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. Москва: Юрлитинформ, 2014. 216 с.
35. Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 315 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_1602.html.

References

1. Kirichenko V. F. *Osnovnye voprosy ucheniya o neobkhodimoi oborone v sovetskom ugolovnom prave* [The main questions of the doctrine of necessary defense in Soviet criminal law]. Moscow, Leningrad: izd-vo AN SSSR, 1948, 107 p. [in Russian].
2. Tsereteli T. V. *Prichinnaya svyaz' v ugolovnom prave* [Causal relationship in the criminal law]. Tbilisi: Gosyurizdat, 1963, 382 p. Available at: <https://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=1147> [in Russian].
3. Atabayeva T. S. *Neobkhodimaya oborona: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika primeneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Necessary defense: theory, legislation, practice of application: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 2004. 23 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/neobkhodimaya-oborona-teoriya-zakonodatelstvo-praktika-priimeneniya/read> [in Russian].

4. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / pod red. S. V. D'yakova i N. G. Kadnikova* [Dyakov S. V., Kadnikov N. G. (Eds.) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: ID «Yurisprudentsiya», 2017, 1072 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26013882> [in Russian].
5. Razgildiev B. *Obshchestvenno-poleznye deyaniya, predusmotrennye UK* [Socially useful acts provided for by the Criminal Code]. *Zakonost'*, 1993, no. 12, pp. 18–21 [in Russian].
6. Tasakov S. V. *Nravstvennye osnovy ugolovno-pravovykh norm ob obstoyatel'stvakh, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya* [Moral bases of criminal law on circumstances excluding criminality of an act]. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo un-ta, 2007, 156 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1188003-nravstvennye-osnovy-norm-ugolovnogo-prava-o-prestupleniyah-protiv-lichnosti/toread> [in Russian].
7. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. *Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo obshchestvenno opasnoe deyanie* [Causing harm during the detention of a person who has committed a socially dangerous act]. St. Petersburg: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr», 2020, 768 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24207880> [in Russian].
8. Zhalinsky A. E. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyi analiz* [Criminal law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis]. Moscow: Prospekt, 2009, 400 p. Available at: [https://dl.booksee.org/genesis/710000/44dd55ac418bcb82de8b9aac213e4eb7/_as/\[ZHalinsky_A.YE.\]_Ugolovnoe_pravo_v_ozhidanii_pere\(BookSee.org\).pdf](https://dl.booksee.org/genesis/710000/44dd55ac418bcb82de8b9aac213e4eb7/_as/[ZHalinsky_A.YE.]_Ugolovnoe_pravo_v_ozhidanii_pere(BookSee.org).pdf) [in Russian].
9. *Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Rim, 1950)* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 1950)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#I0 [in Russian].
10. *Konstitutsiya Azerbaidzhanskoi Respubliki* [Constitution of the Republic of Azerbaijan]. Available at: https://static.president.az/upload/Files/2019/12/04/67ono052v1_konstitutsiya_rus_update.pdf [in Russian].
11. Koni A. F. *O prave neobkhodimoi oborony* [On the right of necessary defense]. Moscow: Izd-vo Moskovskie universitetskie izvestiya, 1866, 104 p. Available at: <https://bookree.org/reader?file=1478348> [in Russian].
12. Voldimarova N. G. *Ugolovnaya otvetstvennost' za ubiistvo pri prevyshenii predelov neobkhodimoi oborony: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for murder when exceeding the limits of the necessary defense: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2003, 220 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-ubiistvo-pri-prevyshenii-predelov-neobkhodimoi-oborony> [in Russian].
13. *Kodeks povedeniya dolzhnostnykh lits po podderzhanuyu pravoporyadka* [Code of Conduct for Law Enforcement Officials]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901739106> [in Russian].
14. *Itogovi dokument Venskoj vstrechi 1986 g. predstavitelei gosudarstv-uchastnikov Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, sostoyavsheysya na osnove polozhenii Zaklyuchitel'nogo akta, otnosyashchikhsya k dal'neishim shagam posle Soveshchaniya* [Final document of the 1986 Vienna Meeting of Representatives of States Parties to the Conference on Security and Cooperation in Europe, held on the basis of the provisions of the Final Act relating to further steps after the Meeting]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/1/40885.pdf> [in Russian].
15. Karpets I. I. *Ugolovnoe pravo i etika* [Criminal law and ethics]. Moscow: Yurid. lit., 1985, 256 p. [in Russian].
16. Mikhailov V. I. *Soglasie litsa, kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya* [Consent of a person as a circumstance excluding the criminality of acts]. *Zakonodatel'stvo*, 2002, no. 2, pp. 67–72 [in Russian].
17. Pustoroslev P. P. *Russkoe ugolovnoe pravo: Obshchaya chast'. Vyp. 1. Lektsii* [Russian criminal law: General part. Issue 1. Lectures]. Yuriyev: Tip. K. Mattisena, 1907, 546 p. Available at: https://fictionbook.ru/author/p_p_pustoroslev/russkoe_ugolovnoe_pravo_obshaya_chast_vyipusk_1/ [in Russian].
18. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: v 6 t. T. 2* [Course in Soviet criminal law: in 6 vols. Vol. 2]. Moscow: Nauka, 1970, 516 p. [in Russian].
19. *Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal law. Theoretical modeling experience]. Moscow: Nauka, 1987, 278 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28852321> [in Russian].
20. Kelina S. G. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: ponyatie i vidy* [Circumstances excluding the criminality of acts: concept and types]. *Ugolovnoe pravo* [Ugolovnoye Pravo Journal], 1999, no. 3, pp. 3–8 [in Russian].
21. Nikulenko A. V. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: kontseptual'nye osnovy ugolovno-pravovoi reglamentatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Circumstances precluding criminality of an act: conceptual bases of criminal law regulation: Doctoral of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2019, 512 p. Available at: https://univermvd.ru/files/other-files/Никулєнко_А.В._ДИ.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42888638> [in Russian].
22. Kaufman M. A. *Nekotorye voprosy primeneniya norm Obshchei chasti UK* [Some issues of application of the norms of the General Part of the Criminal Code]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2000, no. 5, pp. 56–60 [in Russian].
23. Kozlov A. P. *Ponyatie prestupleniya* [The concept of crime]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004, 819 p. Available at: https://fictionbook.ru/author/a_p_kozlov/ponyatie_prestupleniya/read_online.html [in Russian].
24. Krylenko N. V. *Sud i pravo v SSSR. Chast' 3. Osnovy ugolovnogo material'nogo prava* [Court and law in the USSR. Part 3. Fundamentals of material criminal law]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930, 264 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/54135> [in Russian].

25. Piontkovsky A. A. *Sovetskoe uголовное pravo: v 2 t. T. 1* [Soviet criminal law: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Leningrad: Gosyurizdat, 1929, 312 p. [in Russian].
26. Gertsenzon A. A. *Uголовное pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. Common part]. Moscow: RIO VYuA, 1948, 496 p. Available at: https://vk.com/wall22311731_4714 [in Russian].
27. Baulin Yu. V. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances that exclude the criminality of acts]. Kharkiv: Osnova, 1991, 360 p. [in Russian].
28. Klenova T. V. *Obshchestvennaya opasnost' – istinnoe svoistvo prestupleniya* [Public danger – the inherent property of a crime]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*, 2013, no. 2 (7), pp. 136–144. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18912667> [in Russian].
29. *Kurs uголовного prava: v 5 t. T. 1* [Course in criminal law: in 5 vols. Vol. 1]. Moscow: IKD «Zertsalo-M», 2002, 624 p. Available at: <https://libren.org/d/jur/jur244.htm> [in Russian].
30. Solodkov I. A. *Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya i ee uголовно-pravovoe izmerenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Public danger of crime and its criminal legal dimension: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov: Sarat. gos. yurid. akad., 2013, 24 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/obshchestvennaya-opasnost-prestupleniya-i-ee-ugolovno-pravovoe-izmerenie/read> [in Russian].
31. Mikhailov V. I. *Vred i ego regulirovanie v uголовном zakone* [The harm and its regulation in criminal law]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2007, no. 2, pp. 61–67. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9449864> [in Russian].
32. *Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (Obshchaya chast')*. *Proekt, podgotovlennyy spetsialistami Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii i Gosudarstvenno-pravovogo upravleniya Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Code of the Russian Federation (General part). Draft prepared by the specialists of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the State Legal Administration of the President of the Russian Federation]. Moscow, 1994, 57 p. [in Russian].
33. Kuznetsova N. F. *Priznaki (svoistva) prestupleniya* [Signs (properties) of the crime]. In: *Entsiklopediya uголовного prava. T. 4* [Encyclopedia of criminal law. Vol. 4]. Saint Petersburg: Izd. prof. Malinina, 2005, 796 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1865113-enciklopediya-ugolovnogo-prava-tom-4-sostav-prestupleniya/toread> [in Russian].
34. Blinnikov V. A. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya, v uголовном prave Rossii* [Circumstances that exclude the criminality of acts in the criminal law of Russia]. Moscow: Yurlitinform, 2014, 216 p. [in Russian].
35. Durmanov N. D. *Ponyatie prestupleniya* [The concept of crime]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948, 315 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_1602.html [in Russian].